

УДК 93/94:929 Шемјакин А. Л.
93/94:929 Јовановић М.
930(497.11+470)“1990/...”
94:327(497.11:470)
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.bor.31-41>

Юрий Аркадьевич БОРИСЁНОК, к.и.н.
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
rodina2001@mail.ru

др Јуриј Аркадјевић БОРИСЈОНОК
Историјски факултет Московског државног Универзитета „Ломоносов“

**Андрей Шемякин, Мирослав Йованович и российско-сербские
исторические связи (1990-е – 2010-е годы)**
**Андреј Шемјакин, Мирослав Јовановић и руско-српске
историјске везе 1990-2010-их**

Автор этой статьи очень дорого бы дал, чтобы этот текст не пришлось писать вообще. Или писать только первую её часть, посвящённую секретам российско-сербской научной дипломатии – в юбилейный сборник её героям, с обращённым в будущее финальным аккордом, выражающим надежду, что столь прочно и человечно выстроенные ими исторические связи получат в будущем новый, ещё более масштабный импульс. Но теперь, когда биографии так рано ушедших от нас выдающихся историков снабжены не только единым днём рождения 1 мая, но и годами жизни в окончательном формате, упоминать о вкладе Андрея Леонидовича Шемякина (1960 – 2018) и Мирослава Йовановича (1962 – 2014) непременно приходится в двух измерениях, конкретно-историческом и ностальгически-гуманистическом.

Обнимающая историческое пространство

Историческая наука, сколь бы справедливо не ругали М.С. Горбачёва за звонкую пустоту перестроечных фраз, неотделима от человеческого фактора. Этот фактор, собственно, очень часто и двигает вперёд историографию куда быстрее и заметнее любых ритуальных официальных мероприятий, будь то юбилейные торжества, комис-

сии историков и любые другие официальные и тем более официозные мероприятия любого масштаба и пошиба. Без неформального контакта, некогда получившего удачное в целом название народной дипломатии, сколько-нибудь серьёзные двусторонние и многосторонние проекты в историческом цеху категорически невозможны. Оптимальным вариантом при этом, как показывает передовой опыт историков Шемякина и Йовановича, является тот, при котором обе высокие договаривающиеся стороны не только обладают высоким научным авторитетом и несомненным личным вкладом в современную им историческую науку своей страны, но и наделены ценнейшим по нынешним временам даром видеть в этой исторической науке лучшее в своей области и объединять коллег в рамках различных проектов, проявляя при этом и редакторское мастерство, и дипломатическую искусность при заказе, получении, а порой и вытягивании, вытаскивании, выковыривании текстов от крупных специалистов и перспективной научной молодёжи.

Так вот, и Андрей Леонидович, и Мирослав Миркович (каковым отчеством он был снабжён при ближайшем участии российского коллеги) этим редчайшим набором качеств были разносторонне одарены. Редчайшим – ибо примеров противоположного свойства и в российской, и сербской повседневности исторического цеха чрезвычайно много. Уход советской историографии сопровождался, среди прочего, и избавлением от официальных ограничителей типа парткомов, которые, как потом выяснилось, мешали и совсем уж публичной эскалации вечных склок, в „лихие“ 1990-е ставших бесшабашно доходить до откровенно куртуазных манер типа публичного наименования неугодных коллег „идиотами“ и даже похлеще, вплоть до взаимных пылких обвинений у рядом стоящих писсуаров.

Результаты же совместного проектного труда Шемякина и Йовановича были от этих теперь уже устоявшихся от Москвы до самых до окраин обычаев далеки. Иначе никогда не реализовалась бы дерзкая и ими отнюдь не тактически, а стратегически задуманная российско-сербская инициатива „Русские и сербы (сербы и русские): особенности взаимного восприятия“. Правда, „мальчики иных веков“ или даже ближайших десятилетий скорее всего будут по отдельности рассматривать подготовленные Шемякиным тома „Русских о Сербии и сербах“ (2006, 2014)¹ и собранную Йовановичем

1 *Русские о Сербии и сербах, Т. I. Письма, статьи, мемуары*, Санкт-Петербург 2006; *Русские о Сербии и сербах, Т. II. Архивные свидетельства*, сост., вступ. ст., закл.

антологију „Сербы о России и русских: от Елизаветы Петровны до Владимира Путина“ (2011).² И только обратившись к мемориальному тексту Андрея Леонидовича о научном наследии Мирослава на российском направлении, можно выявить корни указанного начинания, внимательно присмотревшись к такой вот аттестации его работы 2011 года: „Труд являет собой антологию (т.е. обширный – объёмом 857 стр. – свод свидетельств сербских очевидцев о России и русских, охватывающий хронологически более двух с половиной столетий и обнимающий историческое пространство „от России до России“), и выполнен в рамках совместного российско-сербского начинания „Русские и сербы (сербь и русские): особенности взаимного восприятия“, где в российской части формируется “зеркально отражённый” корпус“.³

Сотни страниц уникальных источников, собранных и прокомментированных российским и сербским историками, должны были стать основательной прелюдией к весьма амбициозной цели, призванной изменить не что-нибудь, а исторические настройки сознания современников. Скептики скучно заметят, что это вовсе невозможно в условиях тотальной дебилизации, заметной на уровне игр с представлениями масс о прошлом что в России, что в Сербии уже во время планирования проекта и только нарастающей с той поры в образе „чудовищ вида ужасного“, в которые с лёгкой руки сериально-киношных дилетантов запросто превращаются и эпоха Екатерины II, и даже близкое к нашему время Сергея Довлатова. Однако спрогнозировать сегодняшний уровень исторического дилетантизма и примитивизма лет двадцать тому назад было совсем непросто: казалось, что научному сообществу историков достаточно сплотиться и прогнать конъюнктурную лженауку всех мастей, начиная с особенно мозоливших в ту пору глаза Фоменко с Носовским, и историческая истина восторжествует полностью и окончательно, как выдуманная Хрущёвым в 1959 году победа социализма. Было дело, сообщество во главе с академиками В.Л. Яниным и А.А. Зализняком дружно сплотилось и дало фальсификаторам достойный отпор,⁴ от которого

А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина, Москва 2014.

2 *Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија*, при. М. Јовановић, Београд 2011.

3 Шемякин А. Л., „Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014)“, *Славяноведение* 1/2015, 83.

4 *История и антиистория. Критика „новой хронологии“ академика А. Т. Фоменко*, Москва 2000 и др.

те так и не оправились, но ожидаемого триумфа не произошло: пока самую приметную группу извратителей прошлого выгоняли взащей в дверь, в окна залетели другие разные прочие, посерее и попримитивнее, и никакого „восстания масс“ по их изгнанию уже не предвидится, потому как непонятно даже, с кого начинать.

Но их, благородных историков Шемякина и Йовановича, дело не пропало, выражаясь языком подзабытого классика, которому в 2020-м стукнет полтора ста лет. И всё изданное и накопленное в рамках проекта по особенностям взаимного восприятия русских и сербов принесло колоссальную пользу, оказавшись тем самым новым словом в науке, которое сложно было произнести на протяжении долгих десятилетий XX века, когда на это самое взаимное восприятие власти в Москве и Белграде обычно смотрели косо. Но ещё значимее для российско-сербских исторических связей выглядели перспективы проекта, любовно выписанные Андреем Леонидовичем в 2014 году в его предисловии ко второму тому „Русских о Сербии и сербах“: „Такая параллельная работа закладывает фундамент для дальнейшего комплексного исследования теперь уже „двусторонних“ свидетельств очевидцев, что позволит серьёзно уточнить наши представления об особенностях перцепции России и русских в сербском обществе (а Сербии и сербов – в русском) в рамках длительного исторического процесса, вскрыть её „долгоиграющие“ аспекты, не зависящие от смены эпох, и показать (опять же в динамике) эволюцию – как в моменты „совмещения“ былых абстрактных представлений на расстоянии и впечатлений от конкретных встреч с русской (сербской) реальностью, так и во время массовых контактов русских с сербами, связанных, как правило, с „минутами роковыми“ – Восточный кризис 1875–1878 гг., Русская революция 1917-го, освобождение Югославии в 1944 г. Все это поможет освободиться от целого ряда стереотипов, до сих пор бытующих в массовом сознании сербов и россиян. Кроме того, аналитическое осмысление беспрецедентного по богатству материала и хронологическому охвату источникового корпуса, сформированного и опубликованного М. Йовановичем (ожидаемое во 2-й части его проекта), позволит пересмотреть шаблонные представления о России (существующие в двух „крайних“ видах – чисто „критиканского“ негатива или излишнего суперлатива), что и ныне присутствуют в сербских исторических трудах. Такие представления ведут происхождение либо от категорического

незнания реальной России, либо от инерции и воздействия прежних идеологических схем.“⁵

Все эти идеи, предполагавшие, по мысли автора, усложнение первоначального замысла, актуальны и по сей день. В мемориальной статье 2015 года Шемякин совершенно правильно и весьма прозорливо добавил, что избавляться предстоит от стереотипов, бытующих не только в массовом, но и в научном сознании жителей России и Сербии. „Вот только „освободиться“ оно будет уже без Мирослава“.⁶ А с весны 2018-го и без Андрея Леонидовича...

Чувство „Родины“

Вторая свежая струя в развитие исторических связей между Россией и Сербией ныне со стороны просматривается ещё менее отчётливо, чем описанный выше совместный имагологический проект. Шемякин описывал этот феномен так: „Мирослав Йованович был одним из наиболее желанных иностранных авторов исторического журнала „Родина“ и его заслуженным „ветераном“, впервые переступившим порог редакции ещё в середине 1990-х. И именно ему принадлежит знаменитая формула: „ ‘Родина’ – это не просто издание, это – институция“, выведенная после выхода в 2001 г. большого тематического проекта „Славянский мир“, коему с сербской стороны он немало и поспособствовал. Затем последовали специальные выпуски „Россия и Сербия“ и „Россия и Черногория“, ремейк „Славянского мира“, „Дунайский“ номер. Последняя его статья в „журнале-институции“ появилась совсем недавно – в ноябре 2012 г.“⁷

Действительно, шесть авторских статей Йовановича, увидевших свет в „Родине“ в первые 12 лет XXI века,⁸ достойны всяческих

5 Шемякин А. Л., „Введение“, *Русские о Сербии и сербах*, Т. II, 11-12.

6 Шемякин А. Л., „Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014)“, *Славяноведение* 1/2015, 84.

7 Ibid, 83. См. также текст некролога, написанный Андреем Леонидовичем: [Шемякин А.Л.], „Мирослав Йованович (1962–2014)“, *Родина* 2/2014, 160.

8 Йованович М., „Как братья с братьями. Русские беженцы на сербской земле“, *Родина* 1-2/2001, 144-148; Йованович М., „Ось Белград– Омск. Почему король Александр признал Колчака“, *Родина* 10/2003, 192-194; Йованович М., „Русские высаживаются в Черногории. Как принимали беженцев в Боке Которской“, *Родина* 2006. Специальный выпуск „Россия и Черногория: вехи истории“, 84-88; Йованович М., „Потерянная картина. История эмигрантского фильма, так и не вышедшего на экран“, *Родина* 4/2006, 86-88; Йованович М., „Ленинским курсом. Как русские защищали Дунай от австрийских мониторов на Дунае (1914–

похвал и глубокого уважения к автору. Но за формулой об „институции“ и упоминанием „заслуженных ветеранов“ стояла большая, напряженная и не менее серьезная, чем на проекте об имагологии, работа творческого тандема Андрея Леонидовича и Мирослава. А для проникновения в эту творческую лабораторию одних формальных признаков в виде ярких публикаций уже недостаточно, тут непременно следует подключить ностальгический мотив с пометкой „очень личное“.

Этот творческий тандем в 1996 году впервые переступил порог „Родины“, располагавшейся в ту пору на Воздвиженке, 1, в помещениях, принадлежащих Государственной думе, а в былые времена служивших приёмной для Михаила Ивановича Калинина. Шемякин, если пользоваться фразеологией гашековского подпоручика Дуба, был к тому времени уже лет тринадцать известен мне исключительно с хорошей стороны. Обстоятельствам вклада этого матёрого и обаятельного человечика в жизнь исторического факультета МГУ, Института славяноведения РАН и связанных с ними научных и человеческих контактов (которые в его случае неразлучны и неразделимы) стоит посвятить отдельные большие тексты, здесь же ограничимся их кратким изложением.

Учился Андрей Леонидович, прошедший до истфака МГУ суровую школу армейских рядов, всего курсом старше, выделялся среди факультетской массы и колоритных обитателей общежития ДСВ, где проживали мы оба, поистине „двумя головами выше“, как выражался в сталинскую эпоху о Кутузове какой-то не шибко грамотный автор в погонах. Прочность наших контактов ещё до поступления каждого из нас на кафедру истории южных и западных славян была предопределена общими спортивными интересами – выяснилось, что, вопреки Ильичу, важнейшим из всех искусств для нас является футбол. В один из учебных дней 1983 года во время перерыва между парами Шемякин задал мне хитрый вопрос: а под каким это номером играл на чемпионате мира 1978 года аргентинец Норберто Алонсо. Сей игрок был отнюдь не Марадоной, но в историю футбола вошёл тем, что, будучи полевым игроком, выступал на том первенстве под первым номером. Ответил я на хитрый вопрос в свои тогдашние 17

1915)“, *Родина* 11/2010, 130-132; Йованович М., „Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны“, *Родина* 11/2012, 14-16.

лет сразу, с чего и началась наша крепкая дружба с Андреем Леонидовичем протяжённостью в 35 лет.

Эпатажный митрофорный протоиерей Димитрий Смирнов, браня в октябре 2019-го любителей игры с мячом мужского пола, на самом деле попал в точку по части фундамента нашего общения: „Всю жизнь „Зенит“, „Спартак“... А потом выпили, закусили, потом баня, рыбалка, потом „Зенит“, „Спартак“. И это что, жизнь что ли? От „Зенита“ до „Спартака“.“⁹ Это была жизнь, и ещё какая, не исключая и бани с рыбалкой! Шемякин болел за „Спартак“ с четырёх лет, со временем обрёл потрясающую эрудицию в интересных ему спортивных делах, что позволило ему вместе с таким же энтузиастом, преподавателем нашей кафедры и начальником шемякинского курса Харисом Хасьяновичем Хайретдиновым (1942 – 2005) выступить в роли компетентных рецензентов увидевшей свет в 2005-м „Истории российского спорта“, написанной мною в соавторстве с В.А. Фетисовым и Д.О. Тугариным.

Страстный болельщик „Црвены звезды“ Мирослав Йованович, которого я впервые увидел жарким июльским днём 1996 года на Воздвиженке, и по этой части оказался органичным дополнением к нашим устоявшимся дискуссиям. Во время первого посещения Белграда в июле 2000-го Мирослав устроил нам с Андреем Леонидовичем не только посещение знаменитого клубного стадиона, в просторечии „Мараканы“, но и продолжительную встречу с тогдашним главным тренером „звездашей“ Славо Муслином, который потом долго и успешно работал с российскими командами. „Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий“ споры на футбольные темы часто являются поддержкой и порой, будучи в конце концов более осмысленны, чем обсуждение текущей политики, которая для серьёзного историка сложна дополнительно отсутствием достоверных источников для выражения мнений; в футболе же счёт на табло, с ним несколько проще.

При первой совместной встрече летом 1996-го обсуждался и совместный исторический проект. К журналу „Родина“ после того, как я начал там работать в 1991 году, чрезвычайно строгий к себе и к другим в научном плане Шемякин присматривался несколько лет: когда в 1993-м появилось документальное приложение „Источник“,

9 Цит. по: РПЦ раскритиковала любителей футбола // <https://lenta.ru/news/2019/10/20/ploho> [дата обращения 31.10.2019.].

он однажды там опубликовался, выступив в роли лениноведа¹⁰, но собственно „Родину“ он оценил уже после того, как в декабре 1994 года увидел свет специальный номер журнала, посвящённый отношениям России и Польши, подготовленный при активной помощи Х.Х. Хайретдинова и заведующего кафедрой истории южных и западных славян Геннадия Филипповича Матвеева, а также польских историков и в первую голову молодого и энергичного Иеронима Грали из Варшавского университета.

К тогдашней „Родине“ и вправду присмотреться следовало: журнал на общем фоне действительно выделялся „лица необщим выраженьем“. Основанное в 1989-м при газете „Правда“ общественно-политическое издание в лихие девяностые по идее обречено было на скорое вымирание. Но редакция перестроечного дитя в-время перестроилась сама, превратившись в популярный исторический журнал на том основании, что именно в „Родину“ в 1989 году с санкции Горбачёва регулярно поставлялись для печати уникальные по тем временам исторические документы – именно там, к примеру, была впервые серьёзно затронута тема расстрела большевиками царской семьи в 1918 году. Выжить же „Родине“ в тяжелейшие 1992-1994 годы помог не только переход под учредительство высоких структур новой российской власти, но и то, что лучшие историки страны украсили собой журнальные страницы. У них был для этого и дополнительный стимул, появившийся с лёгкой руки генерал-полковника Д.А. Волкогонова. Влиятельный на излёте перестройки обличитель сталинизма, появившись в редакции, дал, как потом выяснилось, очень перспективную рекомендацию: а вы печатайте статьи со сносками, и к вам потянутся соискатели научных степеней и званий. Наличие в начинавшем с чистой публицистики журнале такой мелкой с виду „загогулины“ усилиями работавших в „Родине“ историков с профессиональным образованием было доведено до сочетания в большинстве статей доступности изложения с самой настоящей научностью. Именно это привлекло историка Шемякина, именно это привлекло историка Йовановича, именно это стало поводом для фразы Мирослава о „журнале-институции“, но уже после того, как оба внесли в развитие этой институции самый достойный вклад: Андрей Леонидович стал активно привлекать лучшие славистические кадры и стал на долгие годы деятельным полпредом

10 „Сектант, прошедший марксистскую выучку“. Воспоминания А.Н. Потресова о В.И. Ленине“, публ. А.Л. Шемякина, *Источник* 4/1993, 20-27.

„Родины“ в Инславе; Мирослав сделался активным пропагандистом журнала на белградских научных просторах.

Уже летом 1996 года на Воздвиженке российско-сербский творческий тандем предложил идею специального номера „Родины“ об отношениях России и Сербии. В эпоху, когда компьютеры уже были, а интернет проникал далеко не всюду, блистательная в итоге реализация проекта затянулась на семь лет – в октябрьском номере 2003 года увидела свет обложка с портретом Карагеоргия, предварявшая 26 текстов под общим названием „Россия и Сербия: веки истории“. Но прежде был готовившийся в 1999-2000 годах более полутора лет общеславянский проект, увенчавшийся тем, что „Родина“ встретила XXI век роскошным по тематике и содержанию двойным 224-страничным номером. В ходе этих больших славянских хлопот в июле 2000 года я впервые увидел Белград. Творческий тандем сделал всё, чтобы великий город при слиянии Дуная и Савы пополнил список тех приятных глазу агломераций, по которым без особого напряжения передвигаешься под интереснейший компетентный рассказ неизменных сопровождающих, каковыми на долгие годы стали Андрей Леонидович и Мирослав.

Правда, вытащить Шемякина в ту суровую летнюю пору в послевоенный Белград было непросто: он только недавно перестал ездить в любимый город на поезде. Самолёт казался большому учёному-слависту странным многотонным сооружением, которое вообще-то летать не должно. Но деваться в 2000 году и далее было некуда, и парить в воздухе приходилось: к счастью, аэрофобия у Андрея Леонидовича оказалась не такой суровой, как у популярного в ту пору футболиста Денниса Бергкампа по прозвищу „Нелетучий голландец“. Тяга к очередному свиданию с любимой столицей сербов перевешивала все страхи, на высоте положения оказался и сербский пилот компании JAT, мастерски поднявший в воздух и посадивший на родине выдавший виды „Боинг“ 1977 года выпуска.

Тот первый визит, начавшись с означенных фобий, с первого дня задался на славу. Творческие и научные дела для подготовки сербской части славянского проекта были осуществлены тандемом виртуозно, равно как и узнавание прежде невиданного мною большого города, ещё недавно бывшего жертвой натовских бомбардировок. Ответ на вопрос, вошедший в 2006 году в заглавие книги Виктора Ивановича Косика „Что мне до вас, мостовые Белграда?“ с неизменной и артистичной помощью Шемякина и Йовановича оказался много-

летним, объёмным, роскошным и по-белградски неповторимо уютным. Каждый из упомянутых в цитате Шемякина в начале этой главы проектов „Родины“ сопровождался не только основательной и искусной редакторской работой Андрея Леонидовича и Мирослава и их авторской статьёй для журнала, но и непременно посещением мест, где Сава впадает в Дунай, равно как и визитами профессора Йовановича в Москву с плодотворными встречами в знаменитых закромах „Родины“ на 14-м этаже здания на Новом Арбате, 19, где с апреля 1997 по начало 2015 года располагалась редакция.

Каждый такой спецвыпуск „Родины“ реально продвигал вперёд российско-сербские связи в области исторической науки. В конце 2010 года, после выхода „дунайского“ проекта, объединившего специалистов из всех стран, по которым течёт великая река, мне с удовольствием довелось посетить основанный в том году Мирославом Центр по изучению России при философском факультете Белградского университета. Параллельно продвижению учёных контактов наличествовала многолетняя роскошь человеческого общения, на бумаге выразимая лишь частично и приводившая порой к чудным открытиям в области исторического просвещения современников. Так, однажды профессор Йованович, основательно присмотревшись, разрешил жаркий спор авторов „Родины“ о символике новых интерьеров новоарбатского пивбара „Жигули“. Картина охоты с участием товарища Брежнева стала понятнее после того, как зоркий глаз историка высмотрел в зарубежном госте не Эриха Хонеккера, но Йосипа Броз Тито. Мне же удалось основательно убедиться в правоте популярной в СССР в ту пору, когда советских граждан выпускали в Югославию с таким же скрипом, как и в капстраны, песни о Белграде в тёмное время суток. Всякий раз накануне отлёта в Москву, основательно подискутировав уже после заката с Андреем Леонидовичем и Мирославом, я ловил себя на мысли, что в голове вертится именно эта строчка из песни, которую когда-то пел Эмиль Горовец: „Ночным Белградом пойдём мы снова рядом...“ И всякий раз казалось, что это будет повторяться ещё долго и часто. Но в последний раз мы все втроём с большим чувством прошли ночным Белградом в тёплом октябре 2012 года.

Вслед за историками Йовановичем и Шемякиным ушла из жизни и та „Родина“, которую они долгие годы тщательно выстраивали и украшали собой. Журнал, как известно, не умер, но с весны 2015 года подвергся переформатированию, по итогам которого

прежние масштабные международные проекты ныне уже невозможны. Но тем ценнее тот вклад в российское-сербское научное взаимодействие, который теперь, по прошествии некоторого времени, уже можно достойно оценить и измерить.

Андрей Леонидович Шемякин и Мирослав Йованович – из тех, о ком хорошо написал известный журналист Юрий Михайлович Лепский, вспоминая фильм „Застава Ильича“ кинорежиссёра Марлена Мартыновича Хуциева (1925 – 2019): „Какие заставы остались у нас сегодня? Есть ли они? Казалось бы, последняя – СССР – уже рухнула. Кое-что осталось, кое-что есть. Что же? Ты сам, те, кого ты любишь, те, кто от тебя зависит, кто слабее тебя, любимая работа, друзья, твои учителя – очные и заочные, которым ты благодарен, любимые места на этой земле. Наши последние заставы. Не так уж мало, если вдуматься.“¹¹ И совершенно точно есть на пространстве исторической славистики застава Шемякина и застава Йовановича.

11 Лепский Ю., „Застава Хуциева“, *Российская газета*, 20. 3. 2019., 1.